

С любовью к жизни и земле Сибирской

25 октября нашему земляку, народному художнику России Тойво Васильевичу Ряннелю исполняется 75 лет.

В эти дни в Красноярске открыта персональная выставка работ художника, посвященная его юбилею.

Предлагаем читателям воспоминания заслуженного учителя России В. П. Анонена, которого связывает с Т. В. Ряннелем многолетняя дружба с юношеских лет. В воспоминаниях использованы личные письма художника к Везе Павловичу. В них Т. Ряннель ярче проявляется, как личность, художник, поэт, гражданин.

НАШЕ первое знакомство состоялось в 1936 году, когда я поступил учиться в Южно-Енисейскую среднюю школу, где учился и Тойво. Мне было 12 лет, ему—15. Тогда наши отношения были еще поверхностными, хотя его рисунки на школьных выставках мне очень нравились.

В 1941 году после учебы в Омском художественном училище Тойво оказался в Южно-Енисейской средней школе уже в должности учителя рисования и черчения. Я тогда учился в старших классах и стал его учеником. Как учитель он покори нас, учащихся, интересностью и содержательностью своей личности. Совсем молодой, симпатичный, еще недавно учившийся в той же школе, энергичный, порывистый и легкий в движениях, всегда готовый к шутке и к серьезному разговору. К тому же у него были густые русые волосы, кончики которых опали на лоб таким же завитком, как у Сурикова. Он сразу расположил нас

школу учителем русского языка и литературного чтения, поэтому мы стали реже встречаться. В 1945 году Тойво ездил в Москву. 26 февраля он написал мне оттуда письмо, в котором есть и такие строки: «Урал напомнил мне те места, где вы влачите свои дни. Сознаюсь, мне не взгрустнулось, но как-то было жаль, что я еду один, а вы, многие достойные лучшего... остались там... Хотелось кому-то сказать, что там осталась Сибирь, и очень много хорошего можно сказать в такой час!».

Много хорошего делать для других— это его постоянное стремление. Подбодрить хотя бы словом, если нет других возможностей. Оптимизм— тоже свойство его натуры. Сообщит о каких-нибудь неурядицах в своей жизни и тут же добавит, что у него «есть почему-то глупая вера в успех».

Осенью 1946 года он приезжал из Красноярска на прииск Кировский навестить родителей. Мы ежедневно в это время встречались, было много

строе, а из большого альманаха выбросили четыре его стиха, потому что они лирические, хотя далеко не аполические.

С тех пор прошло сорок шесть лет, и вот в газете «Красноярские профсоюзы», № 43, за 1992 год я прочитал отзыв Анатолия Третьякова о стихах Тойво Ряннеля. Цитирую: «Кто и как запрещал «специпереселенцам» выступать в печати— знают хорошо только те, кто это пережил сам. Вот и Тойво Ряннель печатать запрещали...».

Может быть, кое-кому покажется, что запрещение печатать свои стихи не такое уж большое зло— раз Тойво художник, то и этого таланта ему хватит...

Смею утверждать: запреты на стихи для человека пишущего— это такая травма, от которой слабый вообще может заболеть. Ведь нельзя же приказывать себе: «Убей рождающееся слово!»....

К счастью, Тойво Васильевич не замолчал, он творил и творит еще

неизменно. Когда он видит непонимание людьми красоты, это вызывает в нем глубокую озабоченность. В сегодняшнее смутное время особенно важно понять, что у человека сначала происходит формирование чувства, а потом — сознания. Прежде всего — душа, а затем — остальное.

ТОЙВО Ряннель всегда живет в близком общении не только с деятелями искусства (художниками, писателями, поэтами, артистами, музыкантами), но и с «простыми», так сказать, людьми. Еще в молодые годы, когда он жил в Красноярске на улице Карла Маркса в «доме специалистов», на первом этаже, в небольшой комнатке почти безо всяких коммунальных удобств, у него постоянно кто-нибудь не только гостил, но и «квартировал». В том числе и я, и моя жена, когда мы приезжали на летние сессии студентов-заочников. А ведь эта комнатка была и «мастерской» живописца, где создавались довольно крупных размеров картины. Сейчас я не могу осмыслить, как художник умудрялся в таких стесненных условиях работать! Ведь у него уже была семья: жена Валя и совсем еще маленькая дочка Лариса. У правой стены стояли кровать хозяев и кроватка ребенка, около окна— небольшой стол с табуретками, слева от входа в комнату располагалась на табуретке электроплитка, а на стене проволочная полочка с посудой. Противоположная от кроватей стена была

к себе.

На правах давнего знакомого я однажды в коридоре обратился к нему «ты». Была перемена. Он отозвал меня в сторонку и тихо, чтобы никто не слышал, сказал: «Я теперь — учитель, в присутствии других учеников так теперь в школе ко мне не обращайся». Я покраснел и извинился. Это был его первый по отношению ко мне урок кодекса поведения. Ведь мне было лестно продемонстрировать товарищам, что я «на короткой ноге» даже со всеми уважаемым учителем. Ан нет!.. Так деликатно он отучил меня бахвалиться. Урок был настолько действенным, что я даже после окончания школы долго не мог перейти в общении с ним на «ты». А он, смеясь, возвращал меня к неофициальному обращению.

В 1943 году мы как-то сидели с ним рядом в клубе «Красный Октябрь». Мимо проходила Н. М. Сперанская — режиссер. Совершенно неожиданно для меня Тойво сказал ей: «Рядом со мной сидит молодой человек с актерскими способностями, познакомьтесь и пригласите его в наш драмкружок». Я, смутившись, толкнул его в бок, но Наталья Михайловна живо пригласила меня на завтрашнюю репетицию. Активнейшее участие в самодеятельности стало для меня любимым делом на всю жизнь и даже оказалось основным мотивом выбора специальности. До этого я колебался в выборе профессии. А вместе с Тойво мы участвовали в постановках многих спектаклей и в концертах под руководством Н. М. Сперанской и Д. П. Свищерского. На основе общего увлечения искусством углублялась и наша дружба. Ведь в самодеятельности осуществляется самовыражение личности, она — средство ее самореализации. В таком общении люди познаются душой, возникают дружеские чувства.

В августе 1944 года я был направлен работать в Кировскую семилетнюю

заданных бесед. Потом он писал мне из города: «После моего приезда (в сентябре) здесь произошло много нового, интересного — и в области искусства и литературы... Хорошо, что новый сборник Есенина успел выйти и дойти до меня! Издание роскошное приобрел, но нет «Черного человека». Вообще надо сказать: я стихи достал всякие». После такого письма я тоже устремился покупать книги.

ТОЙВО всегда много и творчески работает. В апреле 1947 года советовал и мне: «Займись поэзией. Твое стихотворение украшено скорбью, но оно человечно, изысканно; и рифмы свежие... Но философия слишком личная». В этом же письме о себе: «Жизнь моя — все по-прежнему. Грустить после окончания работы — бессонница нового замысла. Не помню, где-то вычитал: «Человек без нового задания — все равно, что печка без огня. Так что я испорчен постоянным трудом и в труде нахожу все, а иногда и большее, чем в чем-либо другом. Летом приеду. Пойдем хирусов ловить. Костер разожжем большой и яркий. Я почему-то в самые тяжелые минуты смотрел всегда в огонь, в бесформенную форму «этого бытия». Это было моим исцелением».

Да, к теме костра Тойво обращался и в живописи, и в лирике, видимо, довольно часто. Я сам видел, как в 1945 году он создавал стихотворение «Костер». Давалось оно нелегко. Храню рукопись, испещренную на полях рисунками. А в 1965 году он подарил мне акварель «У костра».

В мае 1946 года Тойво радостно сообщил мне, что в Красноярске были писатели Новосибирска, что его познакомили с Коптеловым и Смердовым, что в «Сибирских огнях» (5—6 номерах 1946 года) идет его очерк о Каратанове, а в номере 1 за 1947 год кое-что тоже... Тут же возмущается, что в красноярской газете «замордовали» его большой очерк о Раздоль-

е как художник слова».

НЕ МОГУ не добавить к сказанному, что Тойво Васильевич по душе еще и замечательный педагог. Мало того, что он творчески в молодые годы вел уроки в «рисовальной школе». Состояние эстетического воспитания молодого поколения беспокоит его до сих пор.

В 1963 году я случайно увидел в журнале «Енисей», в № 1 за тот год, его статью «Кем вы будете тогда...». Автор трогательно рассказывает о том, как он ранним утром провожает своего сына Гену и группу других малышей в 79-ю красноярскую школу. Вдруг над ними пролетел реактивный самолет. В голубом небе остался след. Все — и взрослые, и дети — восхищены. Прекрасное объединило! Но тут же Тойво замечает: «Хочется каждого спросить: кем вы будете через двадцать?». И возникает тревога: «...я думаю о том, что эти мои маленькие друзья могут вырасти людьми духовно обедненными, равнодушными к красоте».

Об этом может встревожиться только человек красивой души, подлинный педагог! Затем Тойво Васильевич рассказывает, как он за чашкой чая, беседуя с колхозным агрономом, выразил ему свою тревогу. А тот в ответ: «Не с твоего же Левитана начинать идеологическую работу!». И Тойво пришел к выводу: «Откуда ему, честному работяге, знать, что идеологическая работа именно и начинается с Левитана!» В статье — горячий призыв создавать художественные школы, подготавливать специалистов-преподавателей, во всех учебных заведениях проводить специальные уроки по искусствоведению. Как же своевременно звучит этот призыв и сегодня, через тридцать три года после того, когда он вырвался из души живописца-учителя! Мне, отдавшему более полувека учительскому труду, очень близки постоянные заботы Тойво Рян

отдана Тойво, чтобы он мог около нее расположить мольберт и картину, над которой трудился.

Гости и «квартиранты» спали на полу, подстелив под себя газеты, пальто и все подходящее для постели. Ряды спящих часто были столь плотными, что, когда ночью у кого-нибудь возникала острая необходимость выйти на улицу (туалет — во дворе), сложно было не наступить на ноги кому-то из спящих.

Вспоминается такой случай. Однажды ранним утром я после вынужденного «вояжа» на двор осторожно, чтобы никого не разбудить, вошел в комнату. Уже рассветало. Я случайно обратил внимание на верхнюю часть какой-то газеты, высунувшуюся из-под голов спящих. Крупными буквами на газете было напечатано: «Люди счастливой судьбы». Ну, надо же! Вскоре все проснулись. Я попросил обратить внимание на торжественный заголовок в газете, который определял как бы и нашу участь в ту ночь, поскольку спали-то под ним не кто-нибудь, а мы... Все весело посмеялись над шуткой. Посмеялись по-доброму, без злости.

Не один десяток лет прошел после того утра. Не знаю, счастливо ли сложилась судьба каждого из ночевавших тогда в квартире Ряннелей. Но не померкла в моем сердце память о том утре. И теплеет оно, сердце, от такой памяти, потому что, несмотря ни на что, все, кто общался тогда с Ряннелями по-доброму, получали от них заряд такого жизнелюбия, какого хватало на годы вперед. Разве же это не есть красота их душ в высшем проявлении?

И я счастлив, что судьба дала мне возможность утолять жажду из такого целебного источника, когда в этом возникала необходимость. К счастью, это продолжается и сегодня.

(Продолжение в следующем номере).

С любовью к жизни и земле Сибирской

(Окончание. Начало в № 127).

В 1957 году мне удалось приобрести журнал «Творчество» № 4 за тот год. В нем есть статья Т. Ряннеля «Осуществление замысла», иллюстрированная цветными этюдами автора. Он рассказывает, как работал над картиной «Рождение Енисея». Критикует свои неудовлетворяющие его этюды, потому что в них «не был найден художественный образ великой сибирской реки». «Стихи С. Щипачева о рождении Енисея вдохновили увидеть, как рождается Енисей!» — восклицает художник, описывая многодневный трудный путь с товарищами в дебрях тайги к истокам реки. И вот наконец: «Картина водопада! Праздник красок, гул водопада, повторенный скалами и лесистыми горами — все настроило на торжественный лад.

Но как донести до зрителя своеобразие прелести серых скал, перламутровой пены, а главное — рассказать о рождении реки-богатыря?». Художники упорно ищут решения. Уже изнемогают от голода, (ведь проходили дни), но на холсте не получается изображение характера многоликой реки.

Тойво продолжает: «Мы буквально яновили дежурство, наблюдая за водой, за освещением, и, должно быть, только потому нам повезло: на рассвете мы увидели водопад, окра-

художника, его «муках творчества» весьма полезно. А если испытать самому — еще лучше.

К ОГДА ему исполнилось 60 лет, он сообщил: «Внуки сегодня меня обрадовали — сделали выставку рисунков». А в другом письме (в мае 1981 года): «Мечтал я нынче писать ледоход на Ангаре, но заносило меня в бесплатные генеральские полеты то в Ригу и Волгоград, а 5 и 8 мая аж на Северный полюс... Желаю тебе мужества на новые силы и начинания — нести людям добро и радость».

Поздравляя нашу семью в 1984 году с праздником 1 Мая, поведал о себе: «Мы на холодную весну уехали в Среднюю Азию... здесь пишем этюды, лечимся после моих зимних недугов... Мы не в самом пекле находимся, а в горах на уровне 1200 метров, здесь весна позже, чем в Ленинабаде, на две недели. Я пишу этюды акварелью на белое цветение — наблюдаю ежедневные обновления весны. Богатство и звонкость цвета меня просто умиляют. Тут нужно (как и везде в горах) писать каждый день. Купи журнал «Москва», № 3, 1984 год. Там, говорят, мои картинки».

Поздравляя нас в 1988 году с праздником 7 ноября, Тойво тут же замечает: «Мы не совсем здоровы, но счастливы — работаем! Читаем, едва успеваем. Жаль, отцы наши

Причину его необычного волнения я понял, когда из Красноярска пришло очень торопливым почерком написанное письмо. 24 июня он сообщил, что спешит выехать в Финляндию, где открывается выставка его картин, «26-го надо сдать работы на защиту и разрешение — это раз в неделю. Значит, 25-го — вечером — в Москву. Так что до свидания, все о, кей — напишем из Финии. С пр. Тойво».

7 ноября он написал из Финляндии: «Мы живы! Гена с семьей приехали после нас — уже с затруднениями. У нас квартиры рядом, тут же мастерская, недалеко от станции метро в зеленом пригороде. Пищи много всякой, пособие вполне приличное, чтобы выжить».

В апреле 1996 года он поведал о своих настроениях, как мне показалось, довольно сдержанно: «Мы живы, не совсем здоровы. Приезжала Лариса на нас посмотреть». В этом же конверте — отдельный лист с напечатанным типографским способом стихотворением «Иду я в дивный заповедник с тупым названием «Столбы».

Неужели это написано в Финляндии? Но я все понял, когда прочитал написанную в конце страницы приписку: «Поднимаю из осколков чувств и памяти, из папок, что сохранились, пытаюсь привести в порядок еще одну, пожалуй, самую ломкую ветвь моей жизни».

В эти дни краеведческий музей Мотыгинского района отмечает 75-летний юбилей народного художника России Тойво Ряннеля, выставкой, лекциями и беседами о его творчестве и жизни, корни которой находятся и здесь, в районе.

Тойво Ряннель — один из выдающихся людей, которые вышли из народной среды района, яркий пример для подражания, делать жизнь с которого будут многие мальчишки и девчонки. Жизнь Тойво Ряннеля — это как призыв к молодежи из глубинных районов края строить жизнь своими руками, по своим способностям и желаниям, добиваться успеха и в наше суровое время. Поражаешься, сколько упорства, веры в себя было у мальчика, финна по национальности, сосланного вместе с родителями в дальний сибирский угол и все же ставшего замечательным художником, певцом сибирской природы и сибиряков.

Земляки, друзья по детству, работники комитета по делам культуры и искусства горячо поздравляют Тойво Ряннеля с юбилеем, желают крепости духа и здоровья для дальнейшей творческой жизни.

Пишу вот это, а встрепенувшаяся зрительная память услужливо подсовывает все новые и новые картинки

шенный в такие цвета, что все сразу нашли то, что давно искали: ...над темными скалами и бунтующей водой вставало солнце. Верхние гребни водопада, темно-зеленые пихты, взлеты брызг и пены были оконтурены золотым светом, а все остальное — в холодной тени. Это было настолько неожиданно, что захватывало дух. О красоте, более действенной, мы и не мечтали. Мы увидели рождение Енисея!.. Действительность подсказала решение, которого не найти при самой богатой фантазии. Работали мы отчаянно, до иступления, зная, что через тридцать минут все изменится, уйдет навсегда, и нам больше этого не увидеть. В этот час увлеченного труда мы забыли обо всем на свете. Наверное, так всегда бывает, когда художник находится к чему он долго и мучительно стремился.

После этого трудного, но такого интересного похода к истокам Енисея мы еще больше полюбили наш суровый и прекрасный край, где живем и работаем».

Простите меня за длинные цитаты. Я воспользовался ими потому, что эту статью моего друга в нашем районе уже не найти. А в ней Тойво Ряннель наглядно предстает как художник и гражданин.

Уверю вас, что он и сейчас такой же. Мне приходилось видеть его на этюдах на красноярских «Столбах», в окрестностях поселка «Памяти 13 борцов» в Емельяновском районе и на Красной горке в Мотыгино. Наблюдал за ним во время его работы в мастерской, когда ходил к нему в гости в Красноярске.

Такие встречи побудили меня заняться творческой фотографией. Не стал фотографом-художником, но кое-что теперь в этом деле понимаю. Пытался иногда даже рисовать. Понял, что все это необходимо мне как учителю-литератору, потому что учить детей чувствовать красоту и видеть ее вокруг — это тоже очень тонкое и сложное искусство. А овладеть им непросто. Поэтому иметь хотя бы

не увидели рассвет своих надежд». Это, конечно, о радостном восприятии намечившейся перестройки в стране.

В сентябре 1993 года он сообщил: «Работаю, делаю выставки, пишу, редко болею. По весне вместе с Валей ездили в Словению на мою выставку. Летом — в Финляндию на семинар, где я числился руководителем. Вернувшись оттуда, сразу поехали на круиз по Енисею с 94 финскими туристами — в основном попами и учителями. Через месяц собираюсь в Лондон, куда перевезли мою выставку из Словении».

В апреле 1995 года Тойво Васильевич с сыном Геннадием — тоже художником — организовали совместную выставку своих картин в Доме художника в г. Красноярске. Отзывы о выставке были опубликованы в печати. Мне ее посчастливилось посмотреть и в книге отзывов выразить свои впечатления.

Во время моего посещения выставки Тойво подарил мне журнал «День и ночь» (№ 1, 1995 г.), где опубликованы несколько глав его новой книги «Мой черный ангел». Эти главы я прочитал с большим волнением, потому что в книге рассказывается об истории раскулачивания и выселения финнов-ингерманландцев в Сибирь, в Красноярский край, в Удерецкий район, которому в течение многих десятилетий суждено было стать и нашей второй (многим, пожалуй, основной, по значению первостепенной) родиной.

Думаю, что эта книга — бесценный вклад Тойво Ряннеля в историю финнов-россиян. В июне 1995 года художник приезжал к нам на празднование 70-летия Мотыгинского района и подарил нашему краеведческому музею свою картину.

Я заметил, что во время этого приезда Тойво был чем-то взволнован, словно бы встревожен, хотя внешне

А в самом низу страницы мелким типографским шрифтом — цифры: 1953.

КАЖЕТСЯ, это было в 1946 году (во время моего учительствования в Кировской школе). Пришел я навестить тольвинских родителей. Настроение у них было приподнятое. Оба улыбаются — и сразу мне: «Получили от Тойво письмо, вот прочитай». Письмо было из Северо-Енисейского района, где работал тогда Тойво в геодезической партии (тогда район входил в состав Удерецкого). Мне запомнились его слова о том, что встретил он там синеглазую беловолосую девушку; она такая, что если ему когда-нибудь понадобится броситься в огонь, она сделает это раньше его. А зовут ее Валя. Вскоре стали они мужем и женой и переехали ненадолго на Кировский, мы познакомились, потом стали дружить семьями.

Валя стойко переносила все невзгоды первых лет совместной жизни, когда постоянно преследовали и материальные трудности и всевозможные другие неурядицы. Она оказалась прекрасной, умелой хозяйкой и заботливой устроительницей быта семьи. Мало того, часто сопровождала мужа во время его бесчисленных походов в тайгу и поездок по городам и весям не только России. Так Валя помогала мужу-художнику в становлении и укреплении его творческого роста, взваливая многие хозяйственные заботы на себя. А разве потом, когда Тойво стал уже известным, и их дети встали на собственные ноги, хлопот у Вали стало меньше? Постоянные разъезды, путешествия, приезды гостей (как именитых, так и попроще)... Могла ли хозяйка не обеспечить и не оформить все это должным образом?! Ни в коем случае. Это не в ее характере и натуре. Я знаю это не понаслышке. Когда я видел Валию в их квартире в последний раз, она вдохновенно демонстрировала мне, как учит финский язык... В Финляндию собирались основательно... О ее смерти мы узнали

встреч, которые случались с нами на протяжении пятидесяти лет... Нет уже Вали. Горько это сознавать, но ничего не поделаешь. В памяти всей нашей семьи она, Валя, запечатлелась навсегда самым красивым и светлым образом. Пусть наш друг Тойво знает об этом. Мы скорбим вместе с ним. Валя самые драгоценные свойства своей личности подарила ему. Вечная ей память!..

НАШ жизненный путь продолжается. Каким он будет? Снова обращаясь к письму от Тойво из Финляндии, к стихам, вложенным в конверт.

Читаю. Вдумываюсь. И осмыслил глубину философской сути произведения. Цитирую отрывки: И подчинясь безумству храбрых, Готовый жертвовать собой, Преодолевая боль царяпин, Я вызвал Высоту на бой!

* * *

И вот на ветренной вершине Шальной от счастья я стою, И где-то в недоступной сини Я вижу родину свою! Наперекор текущим бедам, На миг обласкан я судьбой: Она мне выдала Победу И над Скалой, и над собой!

Как хорошо сказал о Тойво Ряннеле Михаил Горбунцов:

«Да вот же она, настоящая жизнь, способная ответить на самые «жгучие» вопросы времени. Вот так и надо смотреть на нее, честно и непредвзято, и не выдуманная, а подлинная красота открывается твоему сердцу».

Дорогой мой Дружичек! От всего сердца желаю, чтобы судьба тебе и впредь еще много раз «выдала Победу и над Скалой, и над собой!». Я не только желаю этого, но и надеюсь: ведь слово «тойво» в переводе на русский язык означает «надежда». А при обращении к тебе мы это слово пишем с большой буквы.

Хорошо, что не можешь без родины. Успехов тебе и счастья, Тойво!

И пусть тебе покоряются новые Высоты!

В АНОНЕН